

2. Маслова, В. А. «Концептуальные основы современной лингвистики» как учебная книга для магистрантов-филологов / В. А. Маслова // Учебная книга в системе филологического образования : сб. ст. / Витеб. гос. ун-т ; редкол. : С. В. Николаенко (гл. ред.) [и др.] ; под общ. ред. С. В. Николаенко. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2018. – С. 15–17.

3. Герасименко, Н. А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование : монография / Н. А. Герасименко. – М. : Изд-во МГОУ, 2012. – 292 с.

4. Николина, Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы : учеб. пособие / Н. А. Николина. – 4-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2022. – 424 с.

5. Канафьева, А. В. О некоторых синтаксических средствах выражения оценки: Дом должен быть домом / А. В. Канафьева // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации : материалы Междунар. науч. конф., посвящённой памяти доктора филологических наук, профессора Войловой К. А. (г. Москва, 25 февраля 2021 г.) ; отв. ред. О. В. Шаталова ; ред. кол. Т. М. Фадеева, Е. Д. Звукова, И. А. Иванова, Т. В. Степаненкова. – М. : Принтика, 2021. – С. 104–109.

Источники фактического материала

1. Матусовский, М. Л. Семейный альбом / М. Л. Матусовский. – М. : Сов. писатель, 1983. – 432 с.

К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне.

К 110-летию со дня рождения

Константина Михайловича Симонова

УДК 82-1

ТАВТОЛОГИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ КАК СРЕДСТВО ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ТРИЛОГИИ К. СИМОНОВА «ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ»

Т. И. Татарина,

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики
Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: tativ58@inbox.ru

Проблема функционирования глагола в художественном тексте получила достаточное освещение. Общим и частным вопросам глагола в тексте посвящено немало исследований. В то же время вопросы функционирования глагола в трилогии К. Симонова «Живые и мертвые» не исследовались. Приводились лишь отдельные примеры из этого произведения в работах по культуре речи и стилистике, например, в работе. Это и послужило основанием для выбора данного произведения в качестве источника исследования и определило актуальность обозначенной нами проблемы.

Ключевые слова: глагол, тавтология, повтор, художественный текст, функционально-стилистическая выразительность, художественная выразительность.

TAUTOLOGICAL VERBAL FORMS AS A MEANS OF FUNCTIONAL- STYLISTIC AND ARTISTIC EXPRESSIVENESS IN K. SIMONOV'S TRILOGY "THE LIVING AND THE DEAD"

T. I. Tatarinova,

Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department
of Pedagogy, Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakina,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: tativ58@inbox.ru

The problem of verb functioning in fiction has received sufficient coverage. Many studies have been devoted to general and specific issues of the verb in the text. At the same time, the issues of verb

functioning in K. Simonov's trilogy "The Living and the Dead" have not been studied. Only individual examples from this work were given in works on speech culture and stylistics, for example, in the work. This served as the basis for choosing this work as a source of research and determined the relevance of the problem we have identified.

Keywords: verb, tautology, repetition, fiction, functional and stylistic expressiveness, fiction.

Введение. По своей лексико-грамматической природе глагол является самой активной частью речи в художественно-выразительном и функционально-стилистическом плане. О высокой функциональной активности глагола в художественной речи образно и поэтично пишет А. Югов: «Глагол – самая огнепышущая, самая живая часть речи. В глаголе струится самая алая, самая свежая, артериальная кровь языка. Да ведь и назначение глагола – выражать само действие» [4, с. 22]. Лингвистами глагол определяется как самая сложная и емкая часть речи, с помощью которой можно описать жизнь в ее движении, развитии. По подсчетам ученых, глаголу в текстах разных стилей отводится неодинаковая роль. Так, в официально-деловом стиле – примерно 6 %, в научном – около 10 %. В художественной речи глагол употребляется значительно чаще: до 15 % всех слов художественного текста – глаголы. Мастера художественного слова умело используют в своих произведениях прямое и переносное значение глаголов, выразительные фразеологизмы, включающие слова этой части речи; глаголы-синонимы, глаголы-антонимы; мастерски пользуются морфологическими категориями глагола (наклонениями, временами и др.), тавтологическими глагольными формами.

Глагол во всем богатстве его семантики, со свойственными ему значениями грамматических форм и возможностями синтаксических связей, при многообразии стилистических приемов образного употребления является неисчерпаемым источником экспрессии. Понятно, что он используется не только для передачи движений, но и проявлений духовной жизни человека. Продемонстрировать эту его возможность можно на примере произведений художественной литературы, в том числе трилогии «Живые и мертвые» К. М. Симонова, 110-летний юбилей которого отмечается в этом году.

Объектом нашего исследования является трилогия К. Симонова «Живые и мертвые». Выбор не случаен, так как это произведение дает богатый материал для изучения изобразительных возможностей глагола, отмеченных выше. Он передает движение, динамику окружающего мира, а также духовной жизни человека.

Предмет исследования – функционально-стилистические и художественно-выразительные возможности глагольной тавтологии. Во всех известных нам работах трилогия К. Симонова рассматривается с литературоведческой точки зрения, мы же анализируем роман с лингвистической точки зрения. В этом состоит новизна нашего исследования.

Цель исследования – описать стилистические фигуры, созданные на основе тавтологии глагола, показать их функции в тексте произведения.

Основным **методом** исследования является описательный, который дает возможность учесть все стилистические нюансы, предусмотреть описание материала в единстве формы и содержания.

Результаты и их обсуждение. Термин «тавтология» давно вошел в широкое употребление, однако до сих пор понимается неоднозначно. Следует отметить, что ученые неоднозначно толкуют это понятие и его роль в речи. Так, «Словарь

лингвистических терминов» О. С. Ахмановой рассматривает тавтологию только как неоправданную избыточность речи, а «Краткая литературная энциклопедия» и энциклопедия «Русский язык» видят тавтологию шире: как проявление речевой избыточности и как специальный прием выразительности.

Нет оснований считать, что тавтология как явление языка в принципе противоречит его природе и эстетическому вкусу человека. Она складывалась веками в речевой практике народа. Неслучайно стали нормативными сочетания типа *белое белье, черные чернила, информационное сообщение, реальная действительность*, в которых смысловая избыточность уже не чувствуется. Славянское, в том числе и русское, народное творчество изобилует тавтологическими формами речи: *ключ кликать, горе горевать, диво дивное, суета сует, видимо-невидимо, один-одинешенек, жить-поживать, грусть-тоска, поить-кормить*. Они закрепились в качестве нормативных лексических единиц. Так, можно вспомнить, например, знакомый каждому с детства типичный компонент речевого стиля сказок: *«скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается»*. Многие из таких выражений стали фразеологизмами, пословицами, поговорками: *слыхом не слыхать; мал мала меньше; дружба дружбой, а служба службой*. Существенный признак тавтологии – повторяемость слов для обозначения одного и того же понятия – обусловил ее объем и структурное разнообразие. Ядро тавтологии составляют однокоренные слова или разные грамматические формы одного и того же слова: *дому думать, день-деньской*. Можно отметить именные и глагольные сочетания с творительным падежом: *туча тучей, ходить ходуном*; с так называемым вторым именительным: *закон есть закон*; именные сочетания с тавтологическим эпитетом: *дальняя даль, горе горькое*. К этому явлению относятся и повторы: *«Я остановился в гостинице, где останавливаются все проезжие...»* (М. Ю. Лермонтов). Слова, составляющие тавтологию, нередко обозначают разные понятия, что приглушает тавтологичность: *«Пахло свежестью, пахло ночными цветами, пахло чуть влажной землей»* (Д. М. Балашов). Итак, тавтология – сложное, противоречивое по содержанию и разнообразное по структуре явление. Роль ее в языке определяется принятым употреблением, необходимостью в контексте, а также индивидуальным вкусом и мастерством автора. Неоправданное повторение слов и форм – это недостаток, снижающий культуру устной и письменной речи, целенаправленное же повторение – средство смысловой и эмоциональной выразительности. Многие из тавтологических выражений стали устойчивыми сочетаниями, фразеологизмами: *жить-поживать, поить-кормить* и др. Смысловая избыточность нейтрализуется их поэтичностью и экспрессивностью. Они являются разговорными, характерными также для устного народного творчества.

Тавтология в языке писателей, публицистов, ораторов, как правило, обусловлена контекстом. Это не механическое повторение, не простое дублирование уже выраженного понятия, а яркое средство художественной выразительности.

Как средство выразительности тавтология часто используется К. М. Симоновым, для которого тема Великой Отечественной войны стала главной и почти единственной для всего его многожанрового и многопроблемного творчества. Тема мужества, с которой писатель пришел в литературу 30-х годов, в военные годы обогащается личным опытом, обретает конкретность. Роман «Живые и мертвые» по праву можно назвать большой книгой о великой войне.

В трилогии К. Симонова особенно частотны повторы с участием глаголов, которые выполняют многообразные смысловые и эмоционально-экспрессивные функции:

1) служат для усиления смысловой значимости и убедительности повествования: **Надо искать!** – сказал Синцов. **Надо искать**, – может, они все-таки живы, эти, на парашютах... [1, с. 46]. **Я снимаю вас с поста**, – сказал Синцов, пытаясь вспомнить как назло выскочившую из головы формулу, при помощи которой старший начальник может снять с поста часового. **Я снимаю вас с поста**, потом доложите! – повторил он, не вспомнив ничего другого и боясь, что из-за неточно отданного приказа красноармеец не послушается его, останется на посту и погибнет [1, с. 48]. **Сгибался и разгибался**, держась за живот [1, с. 18];

2) обозначают длительность и интенсивность действия, например: Полторка **шла и шла** по лесу, а навстречу не попадалось никого: ни людей, ни машин [1, с. 39]. А теперь вот **шел с этой простудой** без отдыха и сна вторые сутки, **шел не жалуясь**, только от времени до времени нутужно кашлял [1, с. 41]. Две тяжелые машины..., все еще упрямо **тянули и тянули** над лесом... [1, с. 45];

3) служат средством градации, т. е. последовательным усилением однородных признаков, например: Кто только **не шел** в те дни по этому шоссе, сворачивая в лес, отлеживаясь под бомбежками в придорожных канавах, и снова вставая, и снова меряя его усталыми ногами! Все это двигалось на восток, а с востока навстречу по обочинам шоссе **шли** молодые парни в гражданском... **шли** мобилизованные..., **шли** на смерть... Тысячи людей **ехали** на невообразимых фурах, дрожках и подводах, **ехали** старики с пейсами и бородами, в котелках прошлого века, **ехали** изможденные, рано постаревшие еврейские женщины, ехали дети... [1, с. 27];

4) повторения обозначают большое количество предметов, например: А самолеты **шли и шли** и все это были немецкие самолеты! [1, с. 18]. А небо все **сыплет и сыплет** сверху на черную землю бомбы... [1, с. 3];

5) служат средством связи частей текста в монологах, рассуждениях, описаниях и одновременно выделяют понятия или целые мысли, например: Он считал, что лежит на территории, занятой немцами, и **со злобой думал** о том, как фашисты будут стоять над ним и радоваться, что он мертвый валяется у их ног... Он **со злобой** и отчаянием **думал** о том, что даже если у него достанет сил порвать документы, все равно немцы узнают его... [1, с. 51]. Он **вспоминал** о том... он **вспоминал** свои аэродромы... он **вспоминал** свои собственные противоречивые приказания... он **вспоминал**... [1, с. 52]. **Говорят**, человек **перед смертью вспоминает** всю свою жизнь. **Говорят**, человек **перед смертью** думает сразу о многом [1, с. 53]. Калинин и Синцов обернулись, отступили в сторону и мимо них **проехали сани** Баглюка. Сани **проехали**... Вы знаете, кто **приехал**? – сказал Синцов после молчания [1, с. 454];

6) усиливают эмоциональность, патетичность речи: **Горит, горит!** – закричал летчик. – Смотрите, **горит!** [1, с. 49]. **Служил** в германскую войну, **служил** в гражданскую, **служил**, командуя полками и дивизиями. **Служил**, учась и читая лекции в академиях, **служил**, даже когда судьба не по доброй воле забросила его на Колыму [1, с. 99];

7) тавтология помогает усилить противопоставление: Это он **понимал** и действовал своим красным карандашом без колебаний. **Не понимал** он другого: как

все это могло произойти. **Не понимал** и мучился вопросом: неужели, несмотря ни на что мы **не переломим** положение в ближайшие же дни? Все, что видели его глаза, казалось, говорило: нет, **не переломим**. И, хотя он вправе **был верить** своим **глазам**, **вера** его **души** была сильнее всех очевидностей [1, с. 37]; А между тем летчики упали где-то здесь, в этом лесу, и их надо было непременно **найти**, потому что иначе их **найдут** немцы [1, с. 46]; Он в свой смертный час **не думал** о ней. Но это было так, и не потому, что он **не любил** – он продолжал **любить** ее, – а просто потому, что **думал** совсем о другом [1, с. 53].

Глагольные повторы активно используются и в речи персонажей: **Не думали не гадали**, – сказал из темноты кто-то, кого Синцов так и не разглядел в лицо этой ночью. Если бы **не думали не гадали**, еще бы ладно, – после молчания отозвался полковник. А то ведь и **гадали, и думали**, а на проверку – ералаш! [1, с. 31]. Этими тавтологическими формами герои очень емко выражают свое отношение к первым дням войны, к неожиданному ее началу.

Тавтология лежит в основе таких стилистических фигур, предназначенных для усиления выразительности, как:

1) удвоение: «А Леонид сейчас **лежит** в госпитале, может, в Москве, а может, и дальше, **лежит** там на простынях, под одеялом», – с минутной острой завистью к лежащему на простынях под одеялом с оторванной ступней Леонидову подумал Синцов [1, с. 450];

2) эпитифора (повторение конечных элементов высказывания): Синцов стоял в кузове несшегося по шоссе грузовика и **плакал от ярости**. Он **плакал**, слизывая языком стекавшие на губы соленые слезы и не замечая, что все остальные **плачут** вместе с ним [1, с. 46]; Он с большим трудом **выгнал из головы эту мысль**, которая приходит к людям на войне гораздо чаще, чем они в этом признаются. И **выгнать из головы эту мысль** помогло не соображение о том, что она стыдная и трусливая, а внезапно полоснувшее память воспоминание о четырех трупах, снятых ими как час назад с виселицы в этой самой деревне Мачехе [1, с. 451]; Глядя на знамя, Зайчиков **заплакал**. Он плакал так, как может **плакать** обессиленный и умирающий человек, – тихо, не двигая ни одним мускулом лица, слеза за слезой медленно катилась из обоих его глаз, а рослый Ковальчук, державший поверх этого знамени в лицо лежавшему на земле и **плакавшему** командиру дивизии, тоже **заплакал**, как может **плакать** здоровый, могучий, потрясенный случившимся мужчина ... [1, с. 95];

3) обрамление (словорасположение, создающее замкнутость высказывания): – Дай закурить? – Чего на ходу-то? – Да так, вдруг захотелось... Синцов стал объяснять, почему **захотелось**. А **захотелось** потому, что, глядя сейчас на этот далекий дым впереди, он старался заставить себя свыкнуться с трудной мыслью, что, как бы много всего ни осталось у них за плечами, впереди была еще целая война [1, с. 478]; В вагоне то и дело **вспыхивали** разговоры об этом, затихали и снова **вспыхивали** [1, с. 477].

Иногда глаголы, составляющие тавтологию, в тексте обозначают разные понятия (конкретные и абстрактные, прямые и переносные), поэтому приглушают тавтологичность, например: Полторка **шла и шла** по лесу, а навстречу не попадалось никого. Под Могилевом был штаб фронта, за Бобруйском **шли** бои с немцами, и он считал, что между этими двумя пунктами должны стоять штабы и войска, а значит, должно происходить и движение машин [1, с. 39].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что тавтология – сложное, противоречивое по содержанию и разнообразное по структуре явление. Целенаправленное повторение может служить средством смысловой и эмоциональной выразительности. Роль тавтологии в языке и речи определяется контекстуальной необходимостью, а также индивидуальным вкусом и мастерством автора. Как видим, К. Симонов очень умело использует это средство в различных смысловых и эмоционально-экспрессивных целях.

Список использованных источников

1. Симонов, К. Живые и мертвые. Книга первая / К. Симонов. – М. : Художественная литература, 1964. – 436 с.
2. Тропинина, Н. И. Глагол как средство речевого воздействия / Н. И. Тропинина ; под ред. В. Н. Вакурова. – М. : МГУ, 1989. – 96 с.
3. Финк, Л. К. Симонов. Творческий путь / Л. Финк. – М. : Советский писатель, 1983. – 400 с.
4. Югов, А. Думы о русском слове / А. Югов. – М. : Современник, 1972. – 215 с.

*К 100-летию со дня рождения
Юрия Валентиновича Трифонова*

УДК 811.161.1

МЕТАТЕКСТОВЫЕ СРЕДСТВА В ПОВЕСТИ Ю. ТРИФОНОВА «ОБМЕН»

Е. Е. Долбик,

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
Белорусского государственного университета,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: dolbikee@gmail.com

В статье анализируются средства выражения модусных метакатегорий в художественном тексте (на материале повести Ю. В. Трифонова «Обмен»); выделяются графические, лексические, синтаксические метаязыковые сигналы; описываются функции метапоказателей, их роль в организации повествования; объясняются причины активного обращения автора к средствам репрезентации метаязыковых смыслов; выявляется связь метакатегорий с другими модусными категориями.

Ключевые слова: метатекст, модусные категории, речевая рефлексия, графические средства, лексические средства, синтаксические средства, Ю. Трифонов.

METATEXTUAL MEANS IN Y. TRIFONOV'S STORY «EXCHANGE»

E. E. Dolbik,

Associate professor, Cand. Phil. D., associate Professor
of the Department of Philology of Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: dolbikee@gmail.com

The article analyzes the means of expression of modus meta-categories in the fiction text (on the material of Y. V. Trifonov's story "Exchange"); graphic, lexical, syntactic meta-language signals are